

Практика как становление субъектом: от Маркса к постмодернизму

Традиционное представление о практике требует обязательного присутствия категории субъекта. Субъект – это тот, кто осуществляет практику, это активное действующее начало, способное к сознательному изменению реальности вокруг себя. Если мы обратимся к советской традиции философии, для которой в целом было характерно подчеркнутое внимание к проблеме практики, то обнаружим, что субъект понимался в ней именно таким образом: «Субъект – это источник целенаправленной активности, носитель предметно-практической деятельности, оценки и познания» [1].

Декларируемая активность и самостоятельность были присущи субъекту «от рождения»; другими словами, речь всегда шла о неких врожденных способностях, требующих актуализации в процессе жизнедеятельности конкретного индивида в пространстве социальных отношений. Так, помимо обозначенного выше представления марксистско-ленинской философии о сущности субъекта подобные воззрения можно обнаружить и в западноевропейской философии, тяготевшей на протяжении многих столетий к субстанциальной концепции субъекта. Достаточно указать на Р. Декарта, положившего начало этой традиции благодаря тематизации проблемы *cogito*, и взглянуть на представителей немецкой классической философии, которые продолжали рассматривать субъекта как индивида с врожденной способностью к мышлению, обладающего доброй волей, активностью и целостностью.

Но откуда в континентальной философии с середины XX в. возникает тенденция проблематизации природы субъекта? На наш взгляд, ее истоки можно проследить от предложенной К. Марксом для обозначения сущности человека идеи практики. Осуществляя разрыв с классической традицией умозрительного философствования, он решил отталкиваться в своих изысканиях от реальных индивидов, а не от абстрактных сущностей наподобие

идеи «человека». Так возникло его хорошо известное утверждение о том, что человек есть продукт общественных отношений. По сути, это было провозглашение того, что человек – это не готовый набор универсальных характеристик, а форма, содержание которой определяют социально-исторические условия, в которые включены индивиды. Практика же является той деятельностью, которая, во-первых, выступает проверкой адекватности наших представлений о мире самому миру, который мы преобразовываем, а во-вторых, становится условием возможности преобразования самого человека, ее осуществляющего: «люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместо с этой своей деятельностью также свое мышление и продукты своего мышления» [2].

Однако пока мы говорим о субъекте практики как об активном начале целенаправленного преобразования объекта (материала, превращаемого в продукт), мы по-прежнему остаемся в рамках традиционной концепции субъекта. Но все меняется, когда речь заходит о преобразовании самого себя в процессе «общения» с объектом, ведь субъект тогда удивительным образом раздваивается – Я произвожу изменение (активность, связанная с природой субъекта), и Я же это изменение претерпеваю (пассивность, связанная с природой объекта).

Этот второй аспект практики открыл в философии «портал» в новое измерение субъективности, где работали постмодернисты. Структуралистскую идею «смерти субъекта» мы не подвергаем самостоятельному рассмотрению, так как она включена в проблематику постмодернистских исследований. Последние же как раз разрабатывали концепцию субъекта, не обладающего онтологической основой, раздвоенного, творящегося каждый раз заново, что впоследствии привело и к изменению самой проблематики – философия не субъекта, а субъективации, т. е. процесса становления субъектом.

В качестве иллюстрации взглянем на творчество Ж. Делеза и М. Фуко. Для них обоих было важно понятие становления, конкретизирующееся в идее того, что «нет ни универсального, ни трансцендентного, ни Единого, ни

субъекта (объекта), ни Разума, есть только процессы, которые могут быть процессами унификации, субъективации, рационализации, но ничем более» [3]. Эти процессы не универсальны, а зависят от социокультурной ситуации, от исторической эпохи, эпистемы.

Фуко принимает эстафету у Маркса и говорит, что человек – это форма, возникшая в эпоху Просвещения, сменив господствующую ранее форму Бога, но уже отжившая свое и покидающая мир. Человек умер; теперь для того, чтобы мыслить индивида и процесс мышления, надо создать новую форму: «Если открытие Возврата – это конец философии, то конец человека – это возврат начала философии. В наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека» [4]. Появляющиеся у Фуко следом темы древнегреческой «заботы о себе» и способов субъективации (т. е. способов быть субъектом) являются развертыванием идеи практики самоконституирования.

Делез также обращается к этой теме изменения субъектом самого себя и обнаруживает, что мыслит всегда не Я, а Другой во мне. Субъект оказывается неоднороден внутри себя, он предстает как «Я, расколотое абстрактной линией, и пассивный мыслящий субъект, вышедшей из созерцаемой им бездонности» [5]. Первичен индивид, а субъекта как активное мыслящее и действующее интегративное целое необходимо создать для взаимодействия с миром, для осуществления практических целей. И это создание индивид продолжает на протяжении всей жизни, и подобные практики субъективации варьируется в исторической перспективе.

Литература

1. *Алексеев П. В., Панин А. В.* Теория познания и диалектика: учеб. пособие для вузов. М., 1991. С. 84.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 3. М., 1955. С. 25.
3. *Делез Ж.* Переговоры. СПб., 2004. С. 190.
4. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 361.
5. *Делез Ж.* Различие и повторение. СПб., 1998. С. 332.